

УДК 342.1

© Л. Е. Бляхер, 2005

**ДИАЛОГ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ,
ИЛИ ВОССОЗДАНИЕ «ПРЕЗУМПЦИИ ВИНОВНОСТИ»**

Бляхер Л. Е. – завкафедрой «Философия и культурология» д-р филос. наук, проф. (ТОГУ)

В работе рассматривается становление демократических институтов в России в качестве внутренней российской инновации. Традиционный подход предполагает дедуктивное выдвижение некоторой совокупности признаков, наличие или отсутствие которых дает возможность говорить о наличии/отсутствии демократии в данной стране. При этом зачастую вне поля зрения исследователя оказываются реальные политические процессы, детерминирующие собой данную конфигурацию политических институтов и данное понимание демократии. На основании анализа эмпирического материала автор стремится показать ту политическую роль, которую играет «демократический миф» в ходе взаимодействия власти и общества в современной России. Основой переосмысления функции «классических» демократических институтов в данном обществе выступает «презумпция виновности» общества перед властью. Автор показывает, как «презумпция виновности» встраивается в российский вариант демократического дизайна, определяя его структуру

The subject of the paper is the formation of democratic institutions in Russia as a domestic Russian innovation. Traditional approach suggests a deductive postulation of a certain aggregation of features the presence or the absence of which allows one to state, respectively, the presence or the absence of democracy in the given country. In fact, such procedure often leaves out the investigators point of view on real political processes by which the given configuration of political institutions and the given understanding of democracy is determined. Turning to the analysis of empirical material for the sake of substantiation the author tries to show the political role played by “democratic myth” in the course of the interaction of the power and society in contemporary Russia. It is “presumption of guiltiness” of society towards the power that presents the basis for reinterpreting the function of “classical” democratic institutions in the society in question. The author shows in what way the so-called “presumption of guiltiness” is being built into the Russian variant of the democratic institutional design determining its structure.

Взаимодействие власти и бизнеса, экономическая политика государства стремительно менялись все реформенные годы. Однако события последних трех-пяти лет выделяются даже на этом, далеко не стабильном фоне. Социальный контракт, основания диалога, сформировавшегося между экономическими и властными структурами, оказались если и не полностью разрушенными, то существенно потрясенными. Чтобы понять и оценить эти изменения, необходимо описать смысл социального контракта, сложившегося к концу 90-х гг., определить основные экономические стратегии и властные позы в экономическом пространстве России. Пожалуй, наиболее явно механизмы формирования социального контракта и его последующего разрушения проявились в процессе поиска легитимности власти и новых хозяйствующих субъектов. К проблеме легитимности мы и обратимся.

Власть в России: поиски новой легитимности

Проблема легитимности – одна из наиболее обсуждаемых проблем в политологическом сообществе еще со времен М. Вебера, описавшего сам феномен и предложившего его классификацию. Крайне популярной стала проблема легитимности/нелегитимности властных институтов в плане их взаимодействия с бизнесом и обществом в постсоветской России. В терминах легитимности осмыслялись события ГКЧП и последующий развал Советского Союза. Проблему легитимности обсуждали в период конфликта президента и законодателей, завершившегося штурмом здания парламента. Эта проблема вновь всплыла на поверхность в период президентских выборов 1996 г. и в момент «престолонаследования» в 2000-м. Трудно найти в российском политологическом сообществе автора, избежавшего увлечения этой темой. Ею занимались В. Цымбурский, В. Ледяев, В. Сергеев [20, 9, 16] и многие другие. Новый взлет интереса к проблемам легитимности наблюдается в последние годы в связи с «призраком» пересмотра итогов приватизации, явственно проступающим на российском горизонте. Даже если приватизация и легальна, утверждают адепты государственного капитализма, она нелегитимна. Она была совершена не в интересах народа и страны, а в интересах отдельных лиц, присвоивших то, что создавалось народом на протяжении десятилетий. О легитимности российской политической системы мы и попытаемся порассуждать в настоящей работе. Но, прежде чем перейти к рассуждениям, не вдаваясь в существо теоретической полемики, обозначим то понимание легитимности, из которого мы исходим. Под легитимностью власти мы понимаем соответствие властных практик принципам, разделяемым и управляемыми, и управляющими. Поиск этих принципов и борьба за их утверждение составили одну из основных коллизий новейшей истории России.

Создается ощущение, что весь период 90-х гг. XX в. и начало текущего столетия проходят под знаком поиска легитимности власти.

Кроме всего прочего, это означает отсутствие искомой легитимности. Во всяком случае, ее не бесспорное существование. О том, что власть нелегитимна, говорили люди самых разных политических взглядов — от коммунистов до либералов [10]. Однако тот факт, что нелегитимная власть существует уже более полутора десятилетий, свидетельствует о том, что определенной легитимностью она обладала и обладает. Другое дело, что легитимность эта утратила всеобщий характер и наталкивается на легитимность иной природы, сосуществующую с ней в рамках одного социально-политического пространства [2]. Революционная эпоха, к которой можно отнести и последние десятилетия российской истории, характеризуется резким расхождением между легальностью и легитимностью. Строго говоря, все процессы, произошедшие в Советском Союзе (России) с середины 80-х гг., нелегальны, поскольку противоречат Конституции 1977 г. В таких условиях легитимность той или иной формы власти или собственности базируется не столько на писаном законе, сколько на соответствии этой формы коллективным представлениям о «правильности» и «справедливости». Но в слабо структурированном российском социуме после провала перестройки столь же слабо структурированными были представления о справедливости, на которых основывалась легитимность.

Именно поэтому каждая из сторон в конфликтах 90-х гг. обвиняла другую сторону в нелегитимности, и каждая из них отчасти была права. В настоящем разделе мы попытаемся показать, каким образом конфликт легитимности различных уровней и ветвей власти, различных групповых интересов породил современную политическую структуру и экономическое пространство, сумев «приручить» и демократическую процедуру, и рыночные процессы, но «споткнулся» о частную собственность.

Генезис проблемы легитимности власти в России связан, на наш взгляд, со временем провала горбачевской перестройки. В этот период расплывается легитимность партии-государства. Ж.-Л. Кермонн называет советский тип легитимности «онтологической легитимностью». Под этим термином понимается соответствие принципов власти «объективному порядку вещей», такому, как он мыслится большинством сограждан. Легитимность власти в этом случае выводится из-под контроля общества и переносится в трансценденцию. Трансцендентальная легитимность и делает власть тотальной и абсолютной. Несмотря на масштаб сталинских репрессий, преследование инакомыслящих брежневским режимом, тотальный дефицит и многие другие черты советского режима, он воспринимался большей частью населения как соответствующий «объективным законам истории». В этом плане такая, трансцендентальная, легитимация, находящаяся за пределами жизненного опыта гражданского коллектива и вне его контроля, вполне естественно наследовала традиционной легитимации Русской Власти [14].

В союзе с некоторой внешней силой (монгольской конницей, богом, объективными законами истории и т. д.) власть оказывается сильнее общества. Власть принималась извне как единое, целостное явление и не являлась предметом обсуждения в рамках данного общества. В силу трансцендентальной природы власти ее основания и принципы не выступают предметом обсуждения и переговоров, т. е. не являются демократическими, исходя из традиционного определения. Дистанцированная от общества власть представляет собой «объективные условия», в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект. Это не предмет для переговоров, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо.

Политическим субъектом выступала только власть (государство, зачастую, персонифицированное). Остальные элементы общества являются восприимчивыми ее воздействия (политическими объектами). На месте граждан оказываются подданные, те, кто под Властью. Такая власть всегда абсолютна и бесконтрольна по отношению к нижестоящему и исчезает в контакте с вышестоящим. В рамках этой парадигмы сложились основные политические практики в России. С одной стороны, политический субъект пронизывал своими интенциями *все*, в том числе неполитические институты, с другой – отдельного «центра управления» (по М. Веберу) просто не существовало. Символически общество выступало гомогенным политическим образованием. Гомогенная власть, импортированная из трансцендентной области, принимается и отвергается целиком. Вопрос о том, что какие-то институты *этой власти* могут быть трансформированы, чаще всего просто не обсуждался. Потому-то столь маргинальной выглядела в Советском Союзе (России) фигура М. Горбачева, стремившегося построить социализм «с человеческим лицом».

Кризис легитимности власти советского типа поставил на повестку дня вопрос о новом источнике «онтологической легитимности», нового объективного порядка, выступающего носителем истинности и находящегося за пределами общества. В качестве источника такого порядка и источника легитимизации выступило «мировое сообщество», «цивилизованные страны». Эта новая трансценденция и стала основой для легитимации режима Б. Ельцина. Поскольку прежний «космический порядок» [27] оказался дискредитированным, то легитимна та власть, которая соответствует «новому порядку». Она обретает легитимность в качестве проводника некоммунистических ценностей рынка и либерализма. И первое, и второе воспринималось населением мифологически, как возможность «наполнить прилавки», избавиться от тотального контроля. Но не как возможность избавиться от государственного патернализма. Дух капитализма, воспетый Вебером, в России охватывал менее 10 % населения [17]. Население ждало патерналистски ориентированной, но демократической власти, которая «невидимой рукой рынка» («по шучьему велению») накормит страну. Эту особенность

отношения к рынку и демократическим ценностям достаточно точно описывает Б. Дубин, фиксируя отношение россиян к Западу: «Запад как благополучная и удобная жизнь – респонденты <...> не против нее, но только, если такая жизнь – это нечто готовое, достающееся сразу и целиком <...> не меняющее ни самого респондента, ни его привычного житейского распорядка» [8]. Здесь-то и коренится источник конфликтности.

Новые игроки на постсоветском пространстве: парадоксы приватизации

В качестве внешней формы легитимации в мировое сообщество как в трансценденцию предполагалось введение демократической процедуры в либерализацию экономики, т. е. появление независимых экономических акторов. Но эти принципы вошли в противоречие с трансцендентальной природой власти и с ожиданиями населения. Ведь в ходе альтернативных выборов власть могут и не избрать. Избираемая же власть лишается абсолютной, трансцендентальной природы, перестает быть Русской Властью. В еще более сложной ситуации оказались избиратели, которые должны были выбрать власть. Власть трансцендентальна, а трансценденция не предполагает знания о ней, ориентации в ней. При опросе населения Хабаровского и Приморского краев, проведенном в 2003 г. (n = 1 074), выяснилось, что симпатии к кандидату на властный пост или к властному лицу связывались с его внешностью, умением говорить, поддержкой его вышестоящим начальством и только в 3 % случаев с его политической программой. Практически избиратели должны были выбрать из того, что, по определению, исключало рациональный выбор. Но отказ от выборов лишает власть ее онтологической легитимности, исключает из мирового сообщества. Следовательно, необходимо было «приручить» демократическую процедуру. Сделать ее рутинной и предсказуемой, сохраняя ее демократическую альтернативность.

Возникновение независимых экономических игроков делает огромные и крайне важные сферы социальной жизни неподконтрольными власти, также нарушая онтологическую легитимность. Ведь если власть обладает трансцендентальной непогрешимостью, то на экономических агентов эта непогрешимость не распространяется. Следовательно, должна быть возможность их «поправить». Это соответствовало не только желанию власти, привыкшей к тотальному администрированию, но и представлениям граждан. Показательно, что работники приватизированных предприятий, формально являясь их собственниками, в период кризиса платежей середины 90-х гг. шли требовать «справедливости» в Москву. Кроме всего прочего, таких игроков в советской реальности не существовало. Точнее, они были в полуполюгальном положении (кооперативное движение, распорядившееся в конце

80-х изрядной частью производственных фондов). Но отсутствие таких игроков лишало Россию статуса «страны с рыночной экономикой», что ставило под сомнение легитимность власти, провозгласившей рынок целью реформ, а себя – их двигателем. Следовательно, этих игроков было необходимо «назначить» из тех, кто уже имел опыт экономической деятельности. К таковым на начало 90-х гг. относились директорский корпус советской промышленности, партийные и комсомольские работники, «обменявшие власть на собственность» с помощью многочисленных программ поддержки кооперативного движения, малого и среднего бизнеса, деятели криминального сектора советской экономики («цеховики», «валотчики»). Каждая из групп игроков обладала собственной легитимностью в обществе. Легитимность директорского корпуса строилась на том, что именно они представляют интересы народа, рабочих заводов. Их требования состояли в передаче предприятий в «руки народа», т. е. в их собственные руки, освобождая тем самым их от контроля и ответственности со стороны государства. Политическим ресурсом первых была организация «всенародного возмущения» и «директорское лобби», проникшее в последние годы советского режима в представительные и исполнительные органы власти. Легитимность второй группы основывалась на идее эффективного менеджмента. По их мысли, советская власть просто не умела управлять экономикой. Плановое хозяйство было громоздким и неэффективным. Они – новые руководители – построят эффективные производства, используя новейшие достижения в области науки управления. Как правило, представители этой группы составляли львиную долю тех, кто ездил обучаться за границу, получая, по Проппу, там магические качества и умения. Они же были наиболее ревностными сторонниками приватизации неэффективной государственной собственности. Эту «приватизацию» фактически они начали осуществлять еще в конце 80-х гг., приобретая «в аренду» по символической цене, но за реальные взятки производственные фонды государственных предприятий. Их ресурсом выступали связи с властью, широкий круг личных знакомств в России, контакты за рубежом. Представители «теневого» бизнеса стремились лишь к частичной легализации своих капиталов. Их легитимность была связана с противостоянием «советскому тоталитаризму», со способностью более эффективно, чем власть, «решить проблему», организовать экономическую трансакцию. Если последняя группа самостоятельной роли чаще всего не играла, примыкая к первой или второй или выполняя функции «силовых операторов» на деструктурированном властном пространстве, то первые две и составили основу отечественного бизнеса, приняли самое активное участие в приватизационных процессах 90-х гг. На первой стадии большую активность проявили директора. Именно они смогли провести закон о приватизации так, чтобы большая часть акций нового акционерного общества оказалась в руках трудового коллектива, а управление собственностью

– в руках администрации предприятий. Определенную роль здесь сыграло то, что директорский корпус уже был интегрирован во власть. Директора заводов в советский период назначались и были подконтрольны партийной инстанции определенного уровня, входили в партийные органы. Они и стали «своими» игроками в экономическом пространстве России. Принятие в 1991 г. соответствующих указов, а в 1992 г. Государственной программы приватизации создало необходимую законодательную базу процесса перехода собственности в частные руки. Программа предусматривала, что главными объектами приватизации должны стать предприятия легкой и пищевой промышленности, строительства и промышленности стройматериалов, производственно-технического обслуживания сельского хозяйства, автомобильного транспорта, общественного питания и бытового обслуживания. В этих отраслях предполагалось приватизировать по 50-60 % предприятий. Однако уже через 3 недели вышел указ президента, объявивший форсированное преобразование предприятий большинства отраслей промышленности в акционерные общества открытого типа, утверждавший процедуры такого преобразования, и в том числе Типовой устав акционерного общества.

Однако, если с легальностью процесса приватизации было все в порядке, то с легитимностью обстояло совсем не так гладко. То обстоятельство, что до 80 % акционируемых предприятий предпочли вариант приватизации, согласно которому оно переходило в собственность коллектива за 2–3 % его реальной стоимости, вызвало двойственное отношение в обществе. С одной стороны, это соответствовало «революционной логике». Если общественное богатство, в том числе и данное предприятие, создавалось народом, но было отнято у него государством, то вполне логично, что государство же его возвращает в руки «народа» – рабочих предприятия. С другой стороны, рабочие предприятия – это не совсем «народ». Шутка начала 90-х гг. о том, что пролетариат опять «обгегемонил» Россию, приводимая А. Шохиньм [18], здесь крайне показательна. Более того, важным идеологическим моментом, инициировавшим социальный транзит, стала неэффективность «общенародной собственности» и менеджеров, ею управляющих. Таким образом, «народ» по-прежнему остался за воротами предприятий, а неэффективный топ-менеджмент предприятий полностью сохранился. Не случайно большая часть предприятий, приватизированных по этому сценарию, оказалась нежизнеспособной. По воспоминаниям Е. Гайдара, первоначальная идея приватизации, предпринимаемой для прекращения разворовывания государственной собственности управляющими (сдача в аренду предприятий кооперативам), воспринималась директорами как стремление «отлучить их от бюджета» [7]. Таким образом, первый этап приватизации получал легитимность через идею передачи собственности в руки народа. Соответственно и легитимность альтернативного движения (коммунисты, лево-

центристы) обреталась через идею «всемирной собственности», от которой приватизация отлучает народ. Однако и первый, и второй варианты легитимации имели ограниченный успех. Как показали результаты контент-анализа прессы того периода, идея «всемирной собственности» имела альтернативу в виде формулы «настоящего хозяина». Кроме того, в 1992–93 гг. еще слишком свежи были следы воздействия периода «разоблачения тоталитаризма». Передача же собственности «в руки народа» в кратчайшие сроки доказала свою неэффективность, породив скрытую безработицу, кризис неплатежей, падение объемов производства. Но самое главное, что этот процесс не воспринимался как «передача собственности» большей частью населения. Скорее, речь шла об эмансипации от государства с его контролем и ограничениями, но не от бюджета. Это была свобода владения, но не собственности. Дотации убыточным, но «социально значимым» предприятиям продолжались на протяжении всех 90-х гг. в той или иной форме. Такое положение позволило оформиться особой «*директорской ренте*», возникшей еще на заре кооперативного движения. Высокая инфляция и неопределенность статуса собственности делали бессмысленным вложение в долгосрочные проекты, в основной капитал. Необходимо было сейчас «обернуть» кредит. А уж инфляция позволит с легкостью расплатиться с кредитором. Важным источником ренты в этот период продолжала оставаться передача части имущества государственных предприятий «по договорным ценам» третьим лицам. Скажем, убыточный завод создавал на базе единственного рентабельного цеха отдельное малое предприятие, доходы которого «кормили» руководство завода. При этом именно завод нес издержки по оплате коммунальных расходов, электроэнергии и т. д. Технологии различались [12], но смысл оставался единым – предприятие должно давать не доход, а ренту для лиц, управляющих собственностью. Понятно, что этой рентой нужно делиться. В первую очередь с лицами, проводившими приватизационные процедуры. Определенная часть ренты, не всегда в форме прямых платежей, переходила региональным властям, федеральным чиновникам, «курирующим» отрасль. Несмотря на то, что формально региональные ГКИ были федеральными структурами, влияние региональных властей в них было определяющим. Именно региональные власти диктовали вариант приватизации, определяли «ближний круг» участников аукционов [1]. Такое распределение ренты на фоне падения производства и нарастания вынужденных неоплачиваемых отпусков снижало притягательность передачи собственности «народу». Теперь она интерпретировалась как «продажа собственности за бесценок» [11]. Снижение притягательности, а следовательно, и легитимности «народных предприятий» во многом и привело к интенсификации второго варианта приватизации. В нем большую активность проявила вторая группа. Сама процедура представляла следующим образом. Заранее назначенная победителем фирма, находящаяся под контролем админист-

рации, приглашается вместе с фиктивным конкурентом. Информация, благодаря отсутствию жестких требований в законе к ее раскрытию, публикуется только в бюллетене фонда имущества и только за месяц до дня продажи. Реально могут успевать получать необходимую информацию только крупные инвесторы – подписчики бюллетеня, близкие к властным структурам. «Случайный» инвестор, даже если и мог узнать о продаже интересного объекта, не успевал, как правило, узнать, где, когда будет проходить процедура, куда отвозить документы. Однако, по оценкам экспертов, большая часть предприятий остается под контролем директорского корпуса, коллективов заводов или государства [4]. Тем не менее в экономическом пространстве России появляются отдельные субъекты (предприятия, фирмы), ведущие собственную игру.

Определенную роль в становлении самостоятельных (термин «независимых» здесь мало пригоден) экономических игроков сыграл теневой бизнес Советского Союза. Частичную легализацию он получает еще в конце 80-х, в связи с кооперативным движением [6]. Постепенно представители этой группы укореняются в малом бизнесе, первоначально контролируя его, а затем и захватывая. Однако главнейшую роль этот слой играл не как значимые собственники, а как родоначальники неформальных экономических практик, охвативших все экономическое пространство России. Несмотря на свою явную нелегальность, эти практики оказываются вполне легитимными. В советские годы неформальные договоренности легитимизировались через необходимость «делать дело», противостоять давлению тоталитарного государства или (в легальном секторе) противостоять неповоротливой бюрократии, не понимающей потребностей производства. В новый период оправдание меняется, но сохраняются сами практики. Теперь оно связывается с невероятно высокими налогами, которыми государство облагает бизнес. Практически большую часть 90-х гг. в России было две экономики. Одна – формальная – регулировалась легальными правовыми актами. Она работает неэффективно, не дает прибыли, постоянно числится в должниках государства. Другая экономика (неформальная) действует вполне эффективно, но... остается невидимой для государства. Она регулируется устными договоренностями, своего рода обычным правом. Как показал В. Волков [6], это право в ситуации утраты государством монополии на насилие и сомнительной легитимности власти (вспомним, что рейтинг Б. Ельцина перед началом президентской гонки не превышал 6 %) работает гораздо эффективнее. Неформальная экономика дает возможность «оптимизировать» уровень налогообложения, одновременно минимизируя риск судебного преследования. Именно неформальная сфера давала возможность «согласовать интересы», при этом сохраняя вполне демократическую форму правления. То, что в норме должно было происходить в сфере публич-

ной политики, неформальная сеть переводила в иную плоскость, плоскость личных договоренностей.

Непубличная политика: формирование «презумпции виновности»

Налоговая сфера позволяет наиболее ясно увидеть, как происходило «приручение» экономических субъектов и демократической процедуры. К ней мы и обратимся в настоящем разделе. К моменту начала реформ российское законодательство оказалось не готово регулировать новые типы социальных отношений, сохраняя «старый» принцип патернализма. Новые отношения требовали освобождения экономического субъекта от контроля и давления со стороны государства. Одновременно сохранялась патерналистская установка населения, желающего сохранить широкий круг социальных гарантий при минимуме личной инициативы. Тем самым в правовой структуре российского законодательства соединились два слабо соотносимых основания. Российская Федерация, во всяком случае на уровне декларации, стремилась быть либеральным государством, основанным на признании личной инициативы граждан, и государством «всеобщего социального патроната» с огромной системой социальных обязательств, полученных в наследство от Советского Союза.

Для выполнения обязательств перед населением и перед внешним сообществом государств новому российскому государству были необходимы средства. Но от тотального контроля и изъятия продукта оно *де юре* отказалось. Для компенсации этого положения срочно создается фискальное законодательство. В силу поспешности его создания и принятия оно содержало в себе огромные «бреши», социально-экономические сферы, не подпадающие под действие законодательных и прежде всего фискальных норм. Поскольку в этих сферах изъятие части продукта отсутствовало, то норма прибыли там была существенно выше. Именно туда и устремляется бизнес. Государство начинает столь же срочно «затыкать дыры» в законодательстве. Эта деятельность ведется на всех уровнях, обладающих законодательной инициативой: федеральном, региональном, муниципальном. Для реализации различных социальных программ вводятся все новые налоги и сборы.

По мнению большей части предпринимателей, различного рода сборы составляли к 1998 г. более 100 % дохода [13]. Выполнять правовые предписания означало в этих условиях прекращение всякой экономической деятельности. Предполагалось и до сих пор декларируется, что основной смысл различных налогов и сборов – в пополнении бюджетов разных уровней. Но налог выполняет в обществе иную функцию. Он представляет собой сделку по приобретению конкретных благ: личной безопасности, гарантий осуществления социального и экономического акта. Однако объем этих благ, по мнению налогоплательщиков, оказывается неэквивалентен объему налоговых выплат.

Ответом на это становится «уход в тень» предпринимательства, возникновение теневого рынка труда и т. д. Там, в рамках неформальных структур, предприниматель получал искомые гарантии, зачастую криминального характера. Оплата этих расходов соответственно требовала уменьшения легальных выплат. Тем более, что следование законодательной норме также не гарантировало безопасности экономического агента. Наличие в обществе различных, не вполне соотносящихся между собой уровней законодательства приводит к появлению социальных пространств, которые регулируются несколькими, противоречащими друг другу правовыми актами. Федеральное, региональное и муниципальное правовые пространства, пересекаясь, создают законодательный избыток: ситуацию, когда один и тот же социальный акт регулируется более чем одной законодательной нормой. В этот момент возникает специфическое положение и у властей предрержащих, и у подданных (граждан).

Для граждан оказывается невозможным совершить социальный или экономический акт, не подпадающий под действие одной из законодательных норм того или иного уровня. Практически, каждое значимое действие подпадает под санкцию. Поскольку для продолжения социальной и экономической деятельности необходимо уменьшить часть дохода, изымаемую государством, а сделать это можно, только нарушив закон, то потенциально любой экономический агент оказывается преступником. Таким же потенциальным преступником оказывался достаточно часто и социальный агент, желающий получить гарантии личной неприкосновенности и осуществления своих гражданских прав. Более того, в силу отмеченной выше сомнительной легитимности самого закона, под санкцию может попасть *любое* социально или экономически значимое деяние. Преследование «ЮКОСа» яркое тому подтверждение.

Если бы за действием реально следовала санкция, то социально-экономическая деятельность в стране прекратилась бы. Однако этого не происходит. Селективность деятельности контролирующих органов и эпизодичность прямых силовых воздействий приводят к появлению феномена «отсроченной санкции». Власть в лице контролирующего органа знает, и социальный агент *признает* это знание, что любого участника социально-экономического и политического взаимодействия можно уличить в нарушении законодательной нормы. Даже если само нарушение не обнаруживается, то приостановка деятельности фирмы на время проверки ведет, как правило, к фатальным для нее последствиям. Тем самым деятельность экономического субъекта может быть в любой момент прекращена. Не менее важно и то, что агент признает за властью право на такое прекращение. История правоприменения в новейшей России знает единичные случаи, когда в ответ на подобные действия власти следовали прямые ответные действия гражданина, и еще меньше случаев, когда такое противодействие оказывалось эффек-

тивным. Формируется культурный образец, который можно назвать «*презумпцией виновности*»: согласие граждан с тем, что любое их действие может оказаться преступлением, за которым должна последовать санкция. Время и характер этой санкции выбирает власть. Последует санкция или нет, зависит в первую очередь от того, насколько «правильно» ведет себя гражданин или организация в ситуации политического взаимодействия. Это приводит к формированию весьма специфических практик и отношения к собственности. Поскольку собственность все более воспринимается как нечто кратковременное, как то, что может исчезнуть в любой момент, постольку экономические практики превращаются в практики рентные. Сегодня данное предприятие находится в моей собственности (читай, в оперативном управлении). Завтра у меня его могут отнять. Соответственно моя задача – как можно больше выгод получить за данный короткий период. Передача в собственность завода, фабрики, предприятия по добыче природных ресурсов становится своеобразной формой поощрения правильного поведения экономического агента.

Как показали результаты экспертных интервью, проведенных в 2004 г. ($n = 28$) с представителями властных структур, Русская Власть с большим подозрением относится к самой возможности ее неизбрания. Большая часть респондентов искренне недоумевала по поводу выдвижения альтернативных кандидатов, имеющих хотя бы минимальные шансы на избрание. Любые действия по отношению к этим кандидатам считались оправданными, поскольку те «разрушают налаженную систему управления». Соответственно «правильное поведение» непременно оказывается связанным с правильным голосованием и, шире, правильным поведением на выборах. Правильным здесь является то, что устраивает власть. Термин «устраивает» в данном случае не имеет устойчивых характеристик. Он изменчив и зависит от многих факторов. Это может быть оказание финансовой или иной поддержки кандидату, связанному с исполнительной властью; это может быть проведение различного рода акций в пользу «хорошего» кандидата за счет предпринимателя, фирмы или группы лиц и т. д.

Не менее важным является «правильное поведение» гражданина или организации вне ситуации выборов, в повседневной практике. Патерналистские отношения власти и популяции (термин Ю. Пивоварова) [47] вызывают необходимость для власти постоянно демонстрировать свою заботу о подданных. При этом необходима не любая забота, а только та, которая жестко связана с именем властного лица. Именно через такую заботу власть обретает легитимность в глазах населения. Такая забота, как правило, не закладывается в структуру бюджета. Кроме того, достаточно часто вышестоящая власть делегирует нижестоящему уровню власти полномочия, не подкрепленные материально и финансово. Для успешной реализации всех этих задач необходимы ресурсы. Эти ресурсы и предоставляют предприятия и предпринимате-

ли, находящиеся «под санкцией». Таким образом, хотя номинально налоговые сборы и иные выплаты недоплачиваются экономическим субъектом, реально они платятся в объеме, зачастую превосходящем номинальный уровень [37]. Естественно, что эти выплаты должны компенсироваться определенными преференциями. Это и происходило при приватизации предприятий по символической стоимости, предоставлении в распоряжение (практически, бесконтрольное) части государственных ресурсов и т. д. Политически правильное поведение становилось источником ренты. Причем ренты и предпринимательской, и административной.

«Правила игры» и «социальная ответственность бизнеса»

Несмотря на всю нелегальность неформальной структуры, именно она стала основой для выработки «правил игры» после кризиса 1998 г. Сокращение количества экономических субъектов и усиление их роли в хозяйстве привели к желанию закрепить результаты реформ 90-х гг., легитимировать их в глазах власти и населения. Начинается движение в сторону легализации, выхода из тени, впервые описанное В. Радаевым [15]. Точнее, движение было встречным. Конфликт легитимностей постепенно перерастал в их взаимное усиление. Легитимность бизнеса, который «кормит, создает рабочие места», выступает идеальным образцом социального поведения (вспомним типичного героя телерекламы), совмещается с легитимностью власти, признанной новой трансценденцией, мировым сообществом. И дело не столько в том, что «заработали» демократические или рыночные механизмы принуждения к исполнению законов, сколько в окончательном перемещении «политических вопросов» на иной уровень при сохранении формальных демократических процедур, стремительно теряющих смысл для населения. Система демократических институтов стала непреложным фактом. Столь же явным стало деление общества на тех, кто имеет доступ к власти, и тех, кто не участвует в переговорах. Цель данных переговоров – согласие по поводу распределения полномочий и рент.

Большая часть населения в подобные игры не включалась. По отношению к нему действовала «презумпция виновности», как гарантия того, что оно будет вести себя лояльно. Исключением были случаи, когда «всенародное волеизъявление» и «благо народа» использовались как инструмент давления в переговорах с властным лицом. Тем не менее, все большая часть экономических акторов и властных структур осознавала, что исключение основной части населения из распределительных отношений является источником новой утраты легитимности. Патерналистские настроения, отмечаемые социологами на всем протяжении 90-х гг., могли взорвать ситуацию. Ведь альтернативные механизмы легитимации (реставраторская, уравнительная легитимация) не исчезли. Они были оттеснены на периферию, но могли в любой мо-

мент вновь вернуться, что было блестяще продемонстрировано блоком «Родина» на думских выборах 2003 г. На рубеже веков начинает активизироваться частная и государственная благотворительность. Пример лужковской Москвы оказался заразительным. Губернские столицы спешат обзавестись необходимым лоском. Ремонтируются здания, дороги. Активно строятся церкви, театры, разбиваются парки. Не отстают от губернаторов и «олигархи». Потанинские стипендии, поддержка РГГУ «ЮКОСом», финансирование дней города в самых разных частях страны. Все это составляло своего рода «популистскую ренту», цель которой – включить основные массы населения в процесс дележа советского наследия. Как некогда в Европе, власть и бизнес «подкупили» опасные классы [5], нейтрализуя их асистемный заряд. Казалось, что еще совсем немного и постреволюционная система стабилизируется, а собственность обретет легитимность. Демократическая процедура и наличие самостоятельных экономических акторов гарантируют ее от критики извне, а «презумпция виновности» и популистская рента – от «нелояльного» поведения экономических субъектов. Высокие цены на энергоносители и цветные металлы дадут возможность «покупать» население и, может быть, даже инвестировать структурную перестройку экономики. Однако этого не случилось. Система, сложившаяся в результате пятнадцати лет реформ (начиная отсчет с 1985 г.) и практически обретшая легитимность, была неожиданно демонтирована. Впрочем, неожиданно ли?

Приход к власти нового президента вновь вызвал к жизни конфликт легитимности. На сей раз легитимность онтологическая столкнулась с легитимностью харизматического лидера. В начале 90-х гг. Б. Ельцин тоже выступал в роли харизматического лидера. Но постепенно легитимность построенного им режима все более переходила в онтологическую плоскость. Она базировалась на том, что именно он олицетворял «правильный» курс, гарантировал необратимость реформ. Собственно, этот мотив и педалировался в СМИ, когда в 1996 г. россиянам предлагали «голосовать сердцем».

Новая власть и новая «презумпция виновности»

Форма передачи власти внешне наталкивала на мысль о продолжении ельцинского режима. Но легитимация режима В. Путина сложилась иначе. Она более связывалась не с идеей «престолонаследия», а с Чеченской войной. Чеченский конфликт и оказался той самой «маленькой и победоносной войной», о которой мечтало царское правительство накануне революции 1905 г. Война с демонизируемыми в художественных и публицистических фильмах, массовой литературе чеченцами, взрывы домов в Москве и других городах страны создали тот истерический фон, который требовал харизматического лидера, лиде-

ра-надежды. Этот образ и наложился на образ ельцинского преемника, вытеснив его.

Однако положение нового харизматического лидера в 2000 г. было достаточно сложным. Он не мог опереться ни на одну из властных групп, сложившихся при Ельцине. Его стремительное вхождение во власть сыграло злую шутку. Он унаследовал формальную структуру ельцинской политической системы, но реальное распределение рент шло на неформальном уровне, на уровне личных договоренностей. На этом же уровне существовали «презумпция виновности» и возможность контролировать экономику, взаимодействовать с регионами. Все эти рычаги были недоступны новому лидеру. По всей видимости, авторы «идеи Путина» и не предполагали в его лице получить сильного президента. Скорее, здесь, как в средневековой Франции, королем выбрали слабейшего из претендентов с тем, чтобы сохранить равновесие между сильными игроками. Тем самым перед новым президентом открывалось две альтернативы. Играть роль, предназначенную ему окружением Ельцина, освящая президентским именем действия других лидеров по формированию стабильного социального контракта общества, бизнеса и власти, или стать «народным президентом», сыграв на наличии в обществе альтернативных вариантов легитимации власти и незавершенности «либерального проекта» передачи части приватизационной ренты населению.

Уже первые шаги В. Путина показали, что он выбрал второй вариант. Концепция «равноудаленности» бизнеса от власти, создание института полномочных представителей в регионах и изменение способа комплектования Совета Федерации продемонстрировали направление действий новой власти. То, что эти шаги были предприняты на пике путинской харизмы, обеспечило им необходимую народную поддержку и молчаливое принятие со стороны губернаторов и крупнейших экономических игроков. Следующими шагами стало приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным. Резкое сокращение полномочий губернаторов в пользу федерального центра и муниципалитетов. Это наносило удар по основе экономической власти региональных лидеров. Исчезновение правовой избыточности делало сомнительной прежнюю «презумпцию виновности» и наличие возможных предпочтений за «правильное» поведение. Но и федеральный уровень не остался без внимания. По одному с игрового поля российской политики удалялись столпы прошлого режима. А. Березовский, В. Гусинский, «ельцинский» кабинет министров, независимые СМИ постепенно сходят со сцены. Не менее важным было выведение силовых и фискальных служб из фактического ведения губернаторов.

Параллельно с кадрово-административными мерами ведется активная идеологическая работа. Если в начале президентства В. Путина «идущие вместе», именовавшие себя «юными путинцами», вызывали усмешку и недоумение, то сегодня здравицы в честь президента стали

нормой политического поведения. Харизматическая легитимность старательно подпитывается ритуалами. Не меньшее место в идеологии нового режима занимает сакрализация армии. Мобилизация населения (в понимании К. Шмидта) поддерживается державной риторикой. Тема величия России, ее «особого пути» становится центральной темой политических выступлений [19].

На этом фоне актуализируется антиприватизационный дискурс, вытесненный в маргинальные зоны политики. Из программ КПРФ и еще более маргинальных национал-патриотов (НБП) он входит в выступления официальных правительственных чиновников, доклады экономистов. Собственность все более перестает восприниматься как нечто имманентно присущее владельцу.

Поворотным моментом режима становится 2003 г. В это время «выводятся из игры» не отдельные личности, близкие к прежнему хозяину Кремля и потому опасные, а группы, которые могут десакрализовать режим, лишить его харизмы. Постепенный нажим на губернаторов, демонстрация новой «презумпции виновности» в ходе региональных выборов или «прозрачные намеки» на юридическое преследование, принятие нового закона о местном самоуправлении, лишаящего региональных лидеров контроля над территорией, новый порядок «выборов» губернаторов завершают строительство «вертикали власти». Полное поражение на выборах 2003 г. всех правых партий, беззащитно используемый административный ресурс позволили создать покорную Думу и застраховать себя от неожиданных демаршей законодателей. Тем самым лишились рычагов взаимодействия с властью и крупнейшие экономические агенты. Политическая система была построена, но оставалась экономика. Самостоятельные экономические агенты («олигархи») стали следующим объектом властного воздействия. Процесс над М. Ходорковским и П. Лебедевым, преследование «ЮКОСа», «вопросы» к В. Потанину и Р. Абрамовичу, «тихий уход» К. Бенукидзе – все это свидетельствует о начале масштабного процесса передела собственности. Точнее, перехода ее в руки лиц, контролируемых президентом. Борьба с «олигархами» встречает живейшее сочувствие у стремительно архаизирующегося общества и, скорее всего, закончится в ближайшее время. Передел собственности или ее возврат в «державные руки» произойдет. Харизма В. Путина и административный аппарат, полностью поддерживающий его, в ближайшее время уничтожат последние анклавные прежней системы и прежнего способа распределения рент. Но, что еще важнее, уничтожат само представление о частной собственности. Возможность просто «забрать неэффективно используемое предприятие» у собственника, всерьез обсуждавшаяся «Единой Россией» и реализуемая властью на примере «ЮКОСа», полностью превращает собственность в право распоряжения ею на определенных условиях. А собственника превращает в арендатора.

Надеяться на то, что «арендатор» пожелает вкладывать деньги в развитие производства, по меньшей мере, наивно.

Но есть и второй путь, о котором говорит, в частности, проект построения сверхфирмы «Госнефть», аналогичной «Газпрому». Это путь тотальной национализации доходных отраслей промышленности, возвращения их в руки государства. Сегодня в Госдуме обсуждается вопрос о необходимости внесения изменения в закон о государственной службе с тем, чтобы чиновники могли занять место «независимых» директоров в крупнейших предприятиях. Судя по реакции населения, особенно его «нестоличной» части, на действия президента, движение к восстановлению тотального контроля над экономикой будет воспринято им вполне позитивно. Тем самым, независимые экономические игроки фактически исчезают с российской сцены. Собственно, здесь и возникает традиционный для России вопрос: что дальше?

Харизматическая легитимность – явление неустойчивое. А легитимность режима пока базируется только на харизме В. Путина и растущих ценах на нефть и газ. Уже опросы лета 2004 г., проведенные автором в Хабаровском и Приморском краях, демонстрируют резкое падение рейтинга президента, связанное с ожидаемым процессом монетизации льгот и серией террористических актов. Сможет ли президент, успешно построивший режим личной власти, удовлетворить надежды населения, сделать распределение более справедливым, экономику более эффективной, а легитимность легальной? В противном случае, для того чтобы удержать власть в отсутствие частных собственников и гражданского общества, лишившись харизмы общенационального лидера, он будет вынужден все более стремительно эволюционировать в сторону откровенной диктатуры.

Библиографические ссылки

1. *Бальцеревич Л. А.* Капитализм. Социализм. Трансформация. М., 1999.
2. *Бляхер Л. Е.* Нестабильное общество. Хабаровск, 2003.
3. *Бляхер Л. Е.* Изменение поведения экономически активного населения в условиях кризиса. М., 2000.
4. *Браун Дж., Эрл Дж.* К вопросу об оценке программы приватизации предприятий в России // Обзор экономики России. Основные тенденции развития: Пер. англ. М., 1999. Вып. III.
5. *Валлерстайн И.* Конец привычного мира. М., 2003.
6. *Волков В. В.* Силовое предпринимательство. М., 2002.
7. *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. М., 1996.
8. *Дубин Б. А.* «Противовес»: символика Запада в России последних лет // Pro et contra. 2004. Т. 8. № 3.
9. *Ледяев В. В.* Власть: концептуальный анализ. М., 2000.
10. *Лифшиц Р. Л.* Демшиза. Комсомольск-на-Амуре, 2003.

11. *Лужков Ю. М.* Москва. Три года реформ. Обращение мэра. 1994. М., 1994.
12. *Неформальная экономика* / Под ред. Т. Шанина. М., 2000.
13. *Панях Э. Л.* О налоговой системе Российской Федерации // Конкуренция за налогоплательщика. М., 2000.
14. *Пивоваров Ю. С.* Русская политическая культура и political culture // Pro et contra. 2002. Лето.
15. *Радаев В. В.* Таможня дает «добро» // Неформальная экономика: возможности изучения и регулирования. Спб., 2002.
16. *Сергеев В. М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999.
17. *Советский простой человек* / Под ред. Ю. Левады. М., 1993.
18. *Шохин А. Н.* Задача власти показать, что приватизированная экономика работает эффективно // <http://www.Shokhin.Ru>. 2004.
19. *Шевцова Л. В.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et contra. 2004. Т. 8. № 3.
20. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия. (Перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. № 5.
21. *Quermotte J.-L.* Les regimes politiques occidentaux. P., 1986.